

Анатолий Терещенко

ТАЙНЫ

СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

М
И
Р

Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

Анатолий Степанович Терещенко

Тайны серебряного века

Серия «Мир шпионажа»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17060589

Анатолий ТЕРЕЩЕНКО «Тайны серебряного века». Серия «Мир шпионажа»: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели»; Москва; 2015

ISBN 978-5-9906488-6-9

Аннотация

Книга посвящена судьбам наших соотечественников первой волны белой эмиграции из России, возникшей вследствие событий Первой мировой войны 1914–1918 годов, русских революций – Февральской и Октябрьской 1917 года и почти шестилетней Гражданской войны 1917–1923 годов, в которой погибло более 10 миллионов российских граждан. Первое советское правительство, так называемая ленинская гвардия, состоящее в большинстве из пришлых людей, инородцев, поделило Россию на «белых» и «красных», что можно считать своеобразным российским холокостом. Это и есть тот ящик Пандоры, из которого по России разлетелись многие несчастья. О миллионных жертвах православных россиян в ходе этого «забытого» явления, перед которым меркнут сталинские

репрессии, до сих пор не хотят ни говорить, ни писать. Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Век утраченных иллюзий	12
Две революции	28
Севастопольская побудка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анатолий Терещенко

Тайны серебряного века

Предисловие

Убегая за море, мы меняем небеса, но не душу.
Овидий

В конце XIX – начале XX столетия Россия переживала не столько промышленный бум, сколько интеллектуальный подъем, особенно ярко проявившийся в философии, публицистике и художественной литературе – прозе и поэзии. Многие деятели культуры этот процесс называли русским ренессансом. Николай Бердяев определил это время как серебряный век после золотого века эпохи А. С. Пушкина.

«Сейчас с трудом представляют себе атмосферу того времени, – писал Бердяев о серебряном веке в своей философской автобиографии «Самопознание». – Многие из творческого подъема того времени вошло в дальнейшее развитие русской культуры и сейчас есть достояние всех русских культурных людей. Но тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской

мысли, расцвет поэзии, обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зоры, соединяли чувство заката и гибели с надеждой на преобразование жизни. Но все происходило в довольно замкнутом кругу...»

С другой стороны, XX век в буквальном смысле взорвал планету войнами и дал столько исторических событий, память о которых, особенно в России, должна и будет будоражить пытливые умы еще долго.

Первая мировая война высветила не только отсталость России, но и национальный вопрос. Она дала трактовку современной формы национального движения и вывела на арену истории те массы народа, которые как бы крепко спали до этого историческим сном.

Поражение России в Крымской и Русско-японской войнах осталось «незамеченным» царями, принявшими трагические события за слабость народного возмущения и нежелание «как следует воевать».

В истории отношений России с Западом на протяжении многих веков отчетливо проявлялись две диаметрально противоположные тенденции. Одна – на сближение с западным образом жизни, создание того, что сегодня называют «единое европейское пространство». Другая тенденция была обращена в сторону востока – к степным и таежным просто-

рам: Уралу, Сибири и Дальнему Востоку. Она проповедовала самобытность отечественной культуры, желала отгородиться занавесом, в том числе и железным, от всего того, что несет Запад.

Запад всегда смотрел на Россию враждебно, подло называя ее азиатчиной, бесправной окраиной Европы. Ничего в этом вопросе, к великому сожалению, не изменилось до сих пор. Западу выгодна слабая, обездоленная, разоруженная Россия.

Еще в 80-х годах XIX века креатура Бисмарка – Э. Гартман, выступая с программой германской политики на Востоке, доказывал, что все политические, экономические и культурные задачи России лежат не в Европе, а в Азии. Он же в связи с этим предлагал европейскую часть оторвать от России и создать в ходе ее раздела два государственных образования: «Балтийское королевство» на территориях, лежащих к западу от Москвы и прилегающих к Балтийскому морю, и «Киевское королевство» – на территориях юго-запада России с Украиной и Крымом.

По его мнению, граница должна была проходить по линии Витебск – Днепр – Курск – Саратов – Волга – Астрахань.

В соответствии со взглядами Бисмарка действовали и кайзеровское правительство, и его разведка. Политика «Дранг нах Остен» – это вовсе не гитлеровское новаторство, она проводилась еще раньше. Одним из ее проявлений стал рост числа немецких колонистов в России – «пятой колонны»

Германии в нашем Отечестве...

Но вернемся к двум диаметрально противоположным тенденциям.

Первая доминировала во времена Киевской Руси и в периоды правления династии Романовых, а также мига недалеких и амбициозных политиков Горбачева и Ельцина, потерявших не только совесть, но и честь, а с ними и великую страну.

Вторая генерировалась с золотоордынским владычеством, сохранилась в эпоху собирания русских земель, в века Третьего Рима, Смутного времени и существования красной империи.

Правящий класс России накануне XX века не был связан в единый узел с народными массами, живущими в собственном мире доиндустриальной эпохи, ведь страна была в основном крестьянская.

Элита императорской России не обладала уверенностью в себе, ясным пониманием ситуации, энергией патриотического спасения, которая позволила, скажем, британской аристократии образовать союз с нарождающейся буржуазией, создать жесткую и прочную основу нации, не потерявшей самоуважения и в то же время восприимчивой к ценностям технической цивилизации.

Аристократия Санкт-Петербурга доказывала своими действиями, что для русской буржуазии дело реформирования России безнадежно. И никогда в России не создавался осно-

вательный средний класс – гарант стабильности, противник революций.

Хранить и защищать святую Русь предоставили не авангарду ее народа, а государству, западное происхождение которого вызывало едва ли не естественное отчуждение...

Гордость России – ее интеллигенция никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась, то есть прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей отчуждение от народа как естественное состояние... Интеллектуально их родиной был Запад, хотя эмоционально, разумеется, горячо любимая Россия...

Год 1914-й сделал предположение правилом, предчувствие – аксиомой. Поражение царской России в Первой мировой войне стало началом ее конца. Для 18 миллионов одетых в серые суконные шинели русских их западная граница стала кордоном глубоко и жестоко враждебного мира. Это и привело к советской изоляции.

Таким образом, в одном народе, в одной нации было практически два народа, две нации, взаимоисключающие «синтез» духа Запада и русского духа. Царь Николай II надеялся, что, победив в Первой мировой войне, Россия с союзниками, Францией и Англией, войдет в Центральную Европу и Средиземноморье. Войдет победительницей. Но этот союз, созданный недалёковидной дипломатией и продажным генералитетом, оказался совсем не прочным. После 1917 года эти страны пошли войной теперь уже на Советскую Россию.

По мнению многих историков, России же нужен был союз с Германией в большей степени, чем с Францией и Англией. Германия в начале прошлого века являлась лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы называем менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей не контролируемых ею политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие, всегда к ней враждебные руки.

Последние дни Первой мировой войны, которая началась в августе 1914 года и закончилась в ноябре 1918 года, остались в памяти у начальника германской военной разведки полковника Вальтера Николаи как дни позорного крушения, которого можно было избежать. По его мнению, войну проиграло политическое руководство страны. Именно оно и начавшиеся революционные события «вонзили нож в спину» фронтовикам, которые, если бы этого не было, продолжали бы сражаться пусть не до победы, но до заключения почетного мира наверняка. Страсти угомонились бы как в Германии, так и в России. И кто знает, может быть, и не было бы ни 1917-го, ни 1933 годов.

Расплата пришла в конце войны: для Германии – Версальскими позорными договоренностями, а для России – Февральской и Октябрьской революциями, унижительным

Брестским миром, Гражданской войной, построением социализма и многими десятилетиями разобщения с Европой, искавшей на восточнославянских просторах только выгоду.

Интерес к забытой трагедии России и размышления многих ее участников, как шла Первая мировая война и почему она закончилась гибелью Русской армии и Российской империи, должны послужить нам и уроком, и путеводной звездой на пути к воссозданию нового, стабильного и социально ориентированного государства.

Две революции 1917 года и Гражданская война 1917–1923 годов вздыбили Россию. Новые правители поделили ее на «красных» и «белых». Началась кровавая рубка. Неприятие разных идеологий породило террор, а за ним массовый уход и выдворение на Запад элитарной научной и творческой среды серебряного века.

О тайных пружинах в деятельности представителей русской эмигрантской интеллигенции в Париже и других городах Европы и пойдет речь в этой книге.

Век утраченных иллюзий

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война – самое неосмысленное безумие нового века. Без всяких веских причин и без всяких жизненных целей три великие европейские державы – Германия, Россия и Австро-Венгрия – сцепились насмерть, чтобы двум империям уже не восстановиться, не выздороветь в этом веке, а третьей – рассыпаться на осколки. Вся Европа утратила свой авторитет как водителя человечества, а колониальная система посыпалась из ее ослабевших рук. А как все хорошо начиналось – люди надеялись в новом столетии обрести спокойствие.

Нечто подобное происходит и в настоящее время между Западом и Россией, которую пытаются поднять на дыбу санкций ее недоброжелатели. Но вернемся к теме настоящего повествования.

Накануне войны произошло два знаменательных события. Одно считалось многообещающим, другое – взрывоопасным.

Первое.

Май 1914 года, Гаага. Здесь в торжественной обстановке в присутствии представителей практически всех стран был открыт Дворец мира. На этом всемирном сборе XX век провозглашался золотым веком – веком мирного сотрудничества народов, столетием без войн и потрясений. Его еще называ-

ли веком единения и дружбы людей, независимо от их вероисповедания и места проживания.

Второе.

В Сараево 15 июня по злой воле погибают австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга. Убийцей был студент-гимназист – боснийский серб Принцип. Австро-Венгрия 12 июля предъявила ультиматум Сербии. А Сербия все свои надежды возложила на Россию, так как выдержать удар начавших уже мобилизацию 11 австро-венгерских корпусов она не могла.

На обращение сербского престолонаследника Александра российский император Николай Второй лаконично и твердо ответил:

– Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии.

Царь Николай Александрович 13 июля 1914 года приказал ввести «предмобилизационное положение», которое должно было начаться 17 июля, а уже на следующий день он объявляет полную мобилизацию, никакой опасности для Германии не представляющую.

В Германии эти меры были приняты за пять суток до этого, а 17 июля Вильгельм II провел у себя полную мобилизацию.

Он объявил войну России 19 июля в 19:00 и стал требовать того же от колеблющегося венского правительства. Начальник Генерального штаба германской армии граф Мольт-

кемладший потребовал от австрийского генерала Конрада общей мобилизации австро-венгерской армии против России. Ждать ответа от австрийцев долго не пришлось – 24 июля Австро-Венгрия объявила войну России, мотивировав тем, что «Россия объявила войну ее союзнице – Германии!»

* * *

Попытки австро-венгров нанести удар в спину сербам сильным отрядом албанцев потерпели неудачу, так как итальянцы запретили отправку со своего побережья оружия и боеприпасов балканским мусульманам.

Германия в борьбе с Францией и Россией уповала на так называемый план генерала (с 1911 года фельдмаршала) Шлиффена – военного стратега, начальника немецкого генерального штаба с 1891 по 1905 год.

По существу, к разработке плана войны немецкие военные приступили еще в 1895 году и продолжали совершенствовать его вплоть до 1914 года.

В генштабе среди разработчиков плана проходили урапатриотические и исторические диспуты, сводившиеся к оценкам окружения Германии. Выступая перед офицерами, Шлиффен констатировал:

– С самого начала германской истории мы вследствие неблагоприятного географического положения в центре Европы были более подвержены опасности нападения. Нашим

западным соседом был и есть французский народ – самый беспокойный, честолюбивый и тщеславный из всех европейских народов.

На востоке нас окружали славянские народности, исполненные неприязню к немцу, который был для них учителем высшей культуры и которого они преследовали с той жестокостью и злобной ненавистью, какую питает непокорный и грубый воспитанник к своему серьезному учителю...

Взаимоотношения между нами и англичанами в течение столетий подвергались разным изменениям. В общем и в целом Джон Буль всегда придерживался той точки зрения, что бедному немецкому родственнику можно оказывать покровительство и протекцию, при случае использовать его для черной работы, но никогда нельзя становиться с ним на равную ногу. По существу, нас никто не любит. Больше могу сказать, такая антипатия существовала еще до того, как зависть к созданной Бисмарком мощи и благосостоянию нашей страны обострила неприязнь к нам.

Вот почему мы должны быть вооружены реальным планом обороны и нападения...

А начинался этот процесс так.

После подписания в 1904 году англо-французского союзнического соглашения канцлер Вильгельм попросил Альфреда фон Шлиффена разработать такой план, который позволил бы Германии вести войну на двух фронтах одновременно, и в декабре 1905 года фон Шлиффен приступил к

работе. В основе плана лежала идея быстрого, в течение 42 дней, захвата Франции. Считалось, что Россия не сможет помочь своей союзнице, так как ей для мобилизации потребуется не менее 100 суток, а значит, она успеет поставить под ружье только половину своей армии.

План Шлиффена предусматривал спокойную «работу» на Западном фронте с сосредоточением там до 90 % немецких дивизий: пока германские войска будут осуществлять анти-французскую операцию, российские силы должна сдерживать австро-венгерская армия вместе с незначительным количеством немцев на фронте в Восточной Пруссии.

Были приняты меры для недопущения связи Сербии с Россией. Для этого диверсанты разрушили телеграфную линию Ниш – Кладово, через которую поддерживался контакт Белграда с Петроградом. Но главное заключалось в том, чтобы не допустить перевозки по Дунаю русских войск, вооружения, боеприпасов и фуража. В сербские порты направлялись банды для разрушения пристаней, депо, ангаров, складов и пароходов.

А на улицах и площадях, скверах и во дворах Белграда уже больше недели, как начали рваться австрийские снаряды.

Царская Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией. Кроме всего прочего, она захотела решить еще одну задачу – остановить Германию на пути к полной и неделимой гегемонии в Европе. Но эта

война, сокрушившая миллионы человеческих судеб, не принесла ожидаемой победы ни одной из сторон.

На первый взгляд, Россия, заключившая союз 4 сентября 1914 года с Западом в Лондоне, обезопасила себя вовне, но царь не учел одного – критического состояния внутреннего фактора. С одной стороны, крестьянская масса с ее нищетой. Это был заряд страшной разрушительной силы, сразу же взрываемый стихией в случае военных неудач. А с другой стороны, болезнь, загнанная внутрь Столыпиным, снова стала проявляться. Забастовки и рабочие волнения принимали стихийный характер. Их география постоянно расширялась.

Почему не был спрогнозирован такой поворот событий окружением монарха, правящего, по существу, аграрной страной? Так невольно закладывался царской верхушкой мощный заряд под саму Россию. На вопрос качества заряда и временных рамок его подрыва давно уже дан ответ историками и писателями. Большевики же умело вставили взрыватель и подвели бикфордов шнур к этому заряду.

Нужно отметить, что смелость в принятии решений о войне с Россией придавала Германии и Австро-Венгрии обильная информация об экономическом, политическом и оборонном не столько состоянии, сколько несостоятельности противника.

За период с 1901 по 1911 год в России были учреждены 184 иностранные компании с капиталом 267 656 тысяч рублей. Больше половины этих компаний было в горной про-

мышленности. К началу войны общая сумма иностранных капиталовложений в русскую промышленность составляла 1322 миллиона рублей, это 47 % всего акционерного капитала.

Опасно для страны было еще то, что в руках иностранного капитала, главным образом английского, французского и бельгийского происхождения, находились такие важные отрасли промышленности, как металлургическая и топливная. Так, на долю акционерных обществ с иностранным капиталом приходилось свыше 70 % всей добычи такого стратегического сырья, как уголь на шахтах в Донбассе.

Английскому капиталу была подчинена почти вся цветная металлургия России. Немецкий капитал держал около 90 % действовавших в стране электротехнических предприятий, почти всю химическую промышленность и значительную часть предприятий военной промышленности.

В частности, в его руках находились Невский судостроительный и механический завод, предприятие Крейфтона (Охтинское адмиралтейство), завод Ланге (в Риге), завод Беккера, общество «Ноблесснер», завод «Феникс», предприятия Лесснера – «Русский Уайтхед», заводы Гартмана, Коломенский машиностроительный завод, акционерное общество «Треугольник», Шлиссельбургский пороховой завод, «Русское общество артиллерийских заводов» и др.

Французский капитал распоряжался двумя важнейшими производственно-стратегическими обществами: «Общество

русско-балтийских заводов» с капиталом 15 миллионов рублей, а также «Русское общество для производства артиллерийских снарядов и военных припасов».

Анализ появившихся за последний период открытых источников по этому сегменту российской экономики того времени показал, что во время войны влияние и удельный вес иностранного капитала в хозяйственной жизни страны еще больше повысились. Фактически произошло даже усиление экономической зависимости России от иностранного капитала с долей более 50 % акционирования промышленности.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

- в Первую мировую войну Россия вступила не только в результате собственных побуждений и мотивов, но и под влиянием английского и французского капиталов;

- экономическая зависимость России от своих партнеров – Англии и Франции – позволяла последним навязывать ей в ходе войны, особенно за предоставляемые займы и поставки вооружения, такие условия, которые сводили фактически на нет ее самостоятельную роль в этой войне. Они же заставляли Россию воевать не столько за свои империалистические интересы, сколько за чужие намерения и планы;

- усилившееся перед войной, и особенно за время войны, вторжение иностранного капитала, захват им командных высот в промышленности и банках, хищническое истребление природных богатств, вывоз огромных прибылей за счет эксплуатации дешевого наемного труда русских рабочих созда-

вали условия, при которых Россия легко могла превратиться в полуколонию иностранного империализма.

От этого царскую Россию спасла Октябрьская революция, ликвидировавшая капиталистическую частную собственность, в том числе и собственность иностранных монополий, займы и долги иностранным государствам, с помощью которых они держали страну в узде.

* * *

Нечто подобное творится сегодня в современной России. Запад до сих пор не разрешает нам поставлять новые технологии, на что рассчитывали вожди «новой российской демократии», всякого сорта либералы. Они согласились только с вывозом прибыли от своего работающего капитала в виде инвалюты.

Современные события на Украине, порожденные Западом, и в первую очередь США, ударили по РФ политическими и экономическими санкциями. Но это другая очень серьезная тема.

Однако вернемся же к началу XX века.

Деятельность, которую осуществляли австрийская и германская разведки, носила широкомасштабный характер. Успеху этих спецслужб способствовал тот факт, что их агентура проникла в самые верхи государственного руководства и военного управления России. В руки обеих разведок си-

стематически попадали важные госсекреты. Дошло до того, что они получили даже копию плана подготовки России к войне 1914–1918 годов.(!!!)

Поэтому вред, причиненный русской армии, был настолько огромен, что он, естественно, губительно сказывался на протяжении всей войны.

Вокруг военного министра Сухомлинова и жандармского подполковника Мясоедова крутились подозрительные личности. В конечном итоге царская контрразведка доказала причастность этих типов к агентуре противника. Выстраивалась целая галерея мастеров «плаща и кинжала», занимающихся почти открыто шпионской деятельностью.

Ими были:

- отец и сын Альтшиллер,
- братья Фрейдберг,
- корреспондентка ряда берлинских газет Аурих,
- доктор философии Поли-Полачек,
- баронессы Зейдлиц и Штемпель,
- полицейские офицеры барон Гротгус и Фейнат,
- начальник отделения главного интендантского управления генерал Грейфан,
- русский подданный Шиффлер,
- вторая жена военного министра России Бутович,
- убийца Столыпина Богров, и другие.

Работу против России германский генеральный штаб вел по разным направлениям. Так, согласно его директивам

№ 2348 и № 2348-бис, предписывалось, что каждое германское предприятие в России должно было принять на работу определенное число агентов германской разведки. Те предприятия, на которых активно работала немецкая агентура, получали дополнительное финансирование из особых фондов генштаба. Все 439 фирм и предприятий с австро-германским капиталом в России в той или иной мере были привлечены к шпионской деятельности.

И уже к концу 1913 года германская и австрийская разведки обладали широким диапазоном шпионской информации: о состоянии промышленного производства в России, о пропускной способности железных дорог, заказах военного ведомства, производственных мощностях заводов по производству боеприпасов и т. п.

В 1914 году германский генеральный штаб получил из России секретнейший документ – «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 года по 20 февраля 1914 года». Документ был настолько секретным, что о нем могли знать только четыре человека в государстве: царь, военный министр, начальник Главного управления Генерального штаба и председатель Совета министров.

Однако все действия вражеской агентуры оставались безнаказанными. Сказывалось преступное покровительство подозреваемых в шпионаже со стороны высоких инстанций – царя, его супруги – немки, военного министра и других госчиновников. Правда, в конце концов Мясоедов был разоб-

лачен, арестован и 19 марта 1915 года повешен.

Сухомлинова взяли под стражу 21 апреля 1916 года, но царь уже 11 ноября его освободил, отправив министру юстиции телеграмму с таким текстом:

«Ознакомившись с данными предварительного следствия верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а посему дело прекратить.

Николай. 10 ноября 1916 г.».

И это несмотря на то что арестованный в 1915 году австрийский шпион Ярош, он же Мюллер, дал показания о том, что Сухомлинов был австрийским шпионом, от него получено много ценных сведений, но не лично, а через приближенных к нему людей. Допрос Мюллера проходил в Ставке, и царь Николай знал его показания о Сухомлинове, но они были, как видите, проигнорированы правителем России, истекающей кровью не только из-за бездарности некоторых генералов, но и вследствие шпионажа и предательства.

Интересная деталь. Судьба все же еще дважды поднимала над Сухомлиновым меч правосудия. Его арестовывало Временное правительство, но Керенский спас предателя, а потом советское руководство его амнистировало якобы по возрасту – бывшему военному министру исполнилось 70 лет. В 1918 году он выехал через Финляндию в Германию, где и умер в Берлине в 1926 году...

Однако вернемся к событиям в стране накануне Большой войны.

В газетах и журналах, на листовках, расклеенных на стенах домов и заборах, появилось воззвание, подписанное Главкомом Николаем Николаевичем Романовым.

«Братья. Творится суд Божий. Терпеливо, с христианским смирением, в течение веков томился русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы.

Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению.

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится Промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли Русской.

Да поможет Господь царственному своему помазаннику Императору НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ Всея России завершить дело великого князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати. Освобожденные русские

братья! Всем вам найдется место на лоне Матери-России.

Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали ишабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу с молитвой за Россию, за русского царя.

*Верховный Главнокомандующий
генерал-адъютант НИКОЛАЙ*

3 августа 1914 года».

Территория Российской империи к концу XIX века составляла 22,4 млн кв. км. Это одна шестая часть суши. Она занимала второе место в мире, после Британской империи. По единственной в истории страны переписи 1897 года, население составляло 128,2 млн человек, в том числе население Европейской России – 93,4 млн человек.

Летом 1914 года все военнослужащие действующей армии, а с октября того же года все военнослужащие на территории России надели полевые погоны. Хотя парадная и повседневная формы одежды отменены не были, но последовали примеру царя, надевшего с началом войны простую солдатскую гимнастерку с погонами пехотного полковника и не снявшего ее вплоть до своей трагической гибели.

Носить золотые погоны мирного времени с 17 июля 1917 года считалось дурным тоном. В конце 1914 года производство золотого и серебряного галуна для погон было вообще прекращено и более уже никогда не возобновлялось в цар-

ской России.

Для шинелей погоны шились из сукна защитного цвета, а для мундиров, гимнастеров – из зеленого молескина. Нашивки нижних чинов были темно-оранжевого цвета. Цвета шифровок – номера полка или вензель шефа полка – были установлены следующие:

- желтая – пехота,
- малиновая – стрелковые части,
- голубая – кавалерия,
- красная – артиллерия,
- коричневая – инженерные войска,
- синяя – казаки,
- светло-зеленая – железнодорожные войска,
- белая – обоз.

Вслед за введением полевой формы вводился режим строжайшей экономии, но российское руководство словно забыло об ответственности перед своим народом, жившим совсем не так, как жили граждане союзнических стран.

Николай II считал, что своим участием в фактически общеевропейской гражданской войне он наберет очки для авторитета на политическом подиуме Европы. Холодный душ, пролившийся на царя после поражения России в Русско-японской войне, не остудил его воинственного пыла.

Хотя военные реформы 1909–1914 годов и сделали русскую армию более современной, но лишь по сравнению с 1905–1907 годами, однако военный министр Сухомлинов не

раз докладывал императору о конкретных слабостях русской армии, не достигшей мощи основного противника – Германии. Да, царь мог слушать собеседника, но всегда поступал по-своему, как говорится, игнорируя совет Конфуция: посылать людей на войну необученными – значит предавать их.

Надо признать, что начало войны в России было встречено с патриотическим подъемом. Что-то великое, напоминающее 1812 год, чувствовалось в народе. Особенно после обещания царя не заключать мир, пока хоть один вооруженный неприятель останется на русской земле. Благодаря объяснимой приподнятости в обществе мобилизация протекала практически без шероховатостей.

Запасников пришло во вновь сформированные части на 15 процентов больше нормы. Понятно – заступничество за православную Сербию нашло широкий отклик в сердцах россиян. Вчерашние космополиты становились националистами. В народе появилась даже ранее невиданная ярость против засилья всего немецкого. Но интеллигенция осталась в стороне. Она только болтала о патриотизме в салонах и клубах, на балах и в ресторанах, в кабинетах и усадьбах. На алтарь Отечества ложились жизни только серой солдатской и большей частью офицерской массы. И все же всей стране так и не удалось на деле слиться с армией.

Две революции

Тяжелое, если не катастрофическое положение на фронтах к 1917 году заставило некоторых политиков и генералов усомниться в правильности экономического и политического курса императора Николая II. Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов, незавершенность первой революции 1905–1907 годов, в ходе которой не был решен главный вопрос демократического общества (именно к нему призывали либералы всех мастей и оттенков) – созыв Учредительного собрания. Рабочие тоже к властям предъявляли требования о необходимости введения 8-часового рабочего дня. Несмотря на реформы Петра Столыпина, аграрный вопрос тоже повис в воздухе. Главное требование крестьян – разрешить, наконец, проблему с землепользованием – тоже осталось всего лишь обещанием. Неосуществимыми оказались и другие демократические преобразования.

Главными же предпосылками к Февральской 1917 года революции были неудачи на фронтах – гибель миллионов солдат, проблемы с боеприпасами, оружием и питанием. Заметно ухудшились условия жизни в стране. Политический кризис в ходе войны обострился еще больше. Роль Распутина, вмешивающегося в семейную жизнь венценосцев, а через них и в дела государства, выводила из себя монархистов, что предопределило трагичный исход «державного старца». Он

был убит и спущен в Неву под лед в прорубь, где горожане брали воду.

«Сваи империи зашатались, – рассуждала раздраженная царица Александра Федоровна, – однако не все потеряно. На силу надо силу, силу, силу, иначе все будет потеряно».

Она прошла в кабинет и тут же быстро набросала текст депеши своему супругу, которая пришла 24 февраля Николаю II из Царского Села, от императрицы:

«Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально. Аликс».

Внимательно прочитав телеграмму, царь приказал командующему Петроградским военным округом генерал-лейтенанту С. С. Хабалову сделать все возможное, чтобы на корню пресечь беспорядки силами воинских частей. Он шлет, в свою очередь, такую депешу:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Прочитав телеграмму царя, Хабалов находился в растерянности. Несмотря на то что генерал видел реальную картину необратимости событий, он пытался повлиять на обстановку изданием двух приказов о запрете уличных демон-

страций под угрозой их разгона силой и приказ бастующим рабочим в срок до 28 февраля вернуться на заводы под угрозой отправки на фронт. Но листовки с приказами срывались революционерами, сразу же после того как их расклеивали.

Председатель IV Государственной думы М. Родзянко, этот, как его называли, «толстячок» или «самовар», претендующий на роль «второго человека в государстве», 26 февраля 1917 года, после очередного жаркого спора с представителями думских фракций и групп, лидеров партии октябристов и т. д., буквально ворвался в свой кабинет. И на одном из листов зарегистрированного в канцелярии блокнота размашистым почерком написал шапку обращения к царю:

«Телеграмма председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко Николаю II о положении в Петрограде.

(26 февраля 1917 г.)».

Несколько задумавшись и проворачивая ход мыслей, начальную фразу телеграммы он придумал мгновенно: «Положение серьезное» – и поставил точку, уткнувшись в нее пером, отчего она расплылась на бумаге кляксой. А потом буквально полился поток жестких, нелюбезных для монарха слов:

«В столице – анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная

стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

После этого он резко поднялся и отправился в канцелярию для отправки телеграммы. Надо сказать, что накануне Февральской революции популярность Родзянко была столь велика, что он нередко воспринимался как лидер или символ оппозиционных сил. Непокойная натура председателя Госдумы не могла безразлично созерцать процесс распада российской государственности.

Обладая широкой и глубокой информацией о состоянии государства, он на следующий день готовит и тут же отправляет текст телеграммы от своего имени в адрес главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского.

В ней он 27 февраля 1917 года пишет:

«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийные и угрожающие размеры. Основа их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве несомненно разовьются события, сдержать которые можно временно, ценой пролития крови мирных граждан,

но которых, при повторении, содержать будет невозможно.

Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная, безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой.

Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимых материалов. На Урале из 92 доменных печей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов.

Население, опасаясь неумелых распоряжений власти, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением.

Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное признание лица, которому может верить вся страна и которому будет вручено составить правительство, пользующееся доверием

всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевленная вполне верой в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим превосходительством поддержать это мое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу.

Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно.

Председатель Государственной думы Родзянко».

И 27 февраля начался военный мятеж.

Восстали части Петроградского гарнизона – подразделения Волынского, Литовского и Преображенского полков. Солдаты приняли решение не стрелять в демонстрантов. Они присоединились к толпам разъяренных рабочих. Начались погромы, убийства городских, освобождение заключенных из городских тюрем «Кресты», «Литовский замок». Вскоре пал «Арсенал» – Петроградский главный артиллерийский склад.

Возле тумбы для объявлений стояли и курили два вояки – фельдфебель Михаил Ольшанский и чин рядового состава Николай Грубошерстьнев.

– Откуль будешь? – спросил Николай соседа.

– Преображенец.

– А ты?

– Из учебной команды запасного батальона лейб-гвардии

Волынского полка.

– Вперед, на дом Окружного суда, – заорал долговязый прыщавый солдат с винтовкой наперевес.

– Ура, вперед на Шпалерную, – подхватил призыв солдата пожилой рабочий в задубевшей спецовке паровозника. Именно на этой улице в доме № 23 и располагалось здание военного суда.

– Предварилка нас ждет, – торопились люди, называющие себя революционерами.

Вскоре толпа подошла к суду. Николай и Михаил были в активистах. Задымились факела. Брошенные в окна бутылки с горючей смесью сделали свое дело – здание запылало с четырех сторон. Таким же способом был сожжен дом предварительного заключения. Выстрелы и звон разбитого стекла слышались повсюду, – это хозяйничали мародеры и грабители. В стороне от Николая трое солдат разоружали городского. Потом его раздели, повалили на спину и, обвязав шею куском телефонного кабеля, потащили за собой. Он сопел, задыхался, бился ногами, а руками пытался освободиться от удавки. Скоро страж закона затих – задохнулся. Только после этого его бросили.

– А, сука, попался и окочурился праведно, – заметил Михаил, выплевывая шелуху пахучих жареных семечек подсолнечника. Многие лужгали эти деликатесы, засоряя тротуар и мостовую. До этого экспроприировали целый мешок у торговца-украинца у Московского вокзала.

– Собаке собачья смерть, – закричал кто-то из толпы. Тепло городского быстро остывало на холодных торцах серого, заплеванного шелухой булыжника. Это был апофеоз гражданской сшибки в агонизирующем государстве.

По словам «великого коктебельского затворника» поэта Максимилиана Волошина, россияне того времени действительно «пролузгали» Россию. Он с горечью по этому поводу в стихотворении «Мир» со временем напишет:

*С Россией кончено. На последях,
Ее мы прогалдели, проболтали.
Пролузгали, пропили, проплевали.
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падалъ.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пришли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с Запада, Монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!*

К сожалению, многие россияне тогда оказались словно неродными в России.

И 27 февраля в 19:22 в Ставку приходит телеграмма от военного министра Беляева, в которой говорится:

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удастся. Напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств.

Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города».

Царь заволновался за судьбу семьи. Он приглашает в вагон генерал-адъютанта при особе его императорского величества Н. И. Иванова, успешного укротителя Кронштадта в 1906 году.

– Николай Иудович, обстановка в Петрограде обострена до предела. Назначаю вас командующим войсками Петроградского военного округа. Думаю, вы, и только вы, сможете прекратить волнения в столице.

Генерал ничего не мог возразить государю. Иванов с войсками направился по железной дороге в сторону Петрограда и Царского Села. А в ночь с 1 на 2 марта он получил теле-

грамму:

«Царское Село. Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать.

Николай. 2 марта 1917 г. 0 часов 20 минут».

Генерал отвел свой батальон в Вирицу.

Это было начало генеральского предательства. По одной из версий, эту телеграмму написал не царь, а генерал-адъютант Н. В. Рузский, главнокомандующий Северным фронтом, активный участник Февральского переворота. Сделал он это с одной целью – не допустить соединения отряда Иванова с верными государю частями гарнизона Царского Села. Рузский сыграл одну из главных ролей в отречении царя от престола.

Судьба всех предателей незавидна – 25 марта он потерял пост главнокомандующего фронтом. Убыл в Кисловодск, 11 сентября 1918 года генерал оказался в Ессентуках, где его арестовали красные. Следствие продолжалось до 1 ноября, после чего его вывели на Пятигорское кладбище и там казнили.

Он был зарезан черкесским кинжалом лично Г. А. Атарбековым (Атарбекином) – одним из местных руководителей Военно-Революционного Комитета, а в последующем Кавказской ЧК.

Но вернемся к царю, преданному и брошенному многими соратниками, которые жаждали только одного – переве-

сти стрелки обвинения в неудачах на войне, в миллионных потерях личного состава на полях сражений, разбалансировке государственного управления, развале армии на главнокомандующего.

Литерный поезд с царской свитой, не пробившись к Царскому Селу из-за восставших, повернул назад и оказался в Пскове. О самом процессе отречения написано много книг и воспоминаний. Не стоит повторяться. Борьба судьбоносных мотивов в ночь с 1 на 2 марта 1917 года не давала возможности уснуть. После этого Николай II записывает в дневнике:

«Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц. – дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев (начальник штаба Ставки. – Авт.) – всем главнокомандующим. В 2. 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин (депутаты IV Государственной думы. – Авт.), с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и

трусость, и обман».

Неужели он не знал, что на Руси (и разве только лишь на Руси?!) так часто было, есть и будет, – предают только близкие и ближние.

Текст самого отречения (правописание и стиль изложения сохранены. – Авт.):

«Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внешнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бедственно отразиться на дальнейшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до победнаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ последнія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша, совместно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти решительные дни въ жизни Россіи почли МЫ долгомъ совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорейшаго достиженія победы и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ НАШИМЪ,

МЫ передаемъ наследіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповедуемъ Брату НАШЕМУ править делами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на техъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всехъ верныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній помочь ЕМУ, вместе съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь победы, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ, 2 Марта 15 час. 5 мин. 1917 года.

Николай.

*Министр императорскаго двора
генерал-адъютантъ графъ Фредерикс».*

В ночь со 2 на 3 марта 1917 года в два часа ночи царский поезд отбыл в Могилев. Перед отъездом Николай отправил своему младшему брату великому князю Михаилу Александровичу телеграмму:

*«Его императорскому величеству МИХАИЛУ.
Петроград.*

*Событія послѣднихъ дней вынудили меня решиться
бесповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если*

огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

НИКИ».

В Могилеве царь 8 марта попрощался с армией. Он издал прощальный приказ войскам, в котором завещал сражаться до последней капли конечно же чужой крови и повиноваться Временному правительству, которое заявило о взятии власти в свои руки.

Генерал Алексеев передал этот приказ в Петроград, однако Временное правительство под давлением Петросовета отказалось публиковать его.

В этом приказе были такие слова:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять Россию от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжёлую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением

к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

8-го марта 1917 г.

Ставка. НИКОЛАЙ».

Что касается самого текста отречения, теперь, как пишет царь, уже не его Родина, а меньшего брата, на которого старший возлагает надежды по выведению России из кризиса. Но рок событий развивался по своим правилам. Россию ждали две революции – Февральская и Октябрьская с Временным правительством Керенского и советским с Лениным. Династия Романовых, на крови пришедшая, кровью умылась при подлом, конечно, расстреле последней венценосной семьи в Екатеринбурге.

Михаил Александрович тоже погиб. После его ареста в Гатчине и высылке по приказанию Ленина «...в Пермскую

губернию вплоть до особого распоряжения», он оказался в Перми со своим секретарем и другом Н. Н. Джонсоном.

В ночь с 12 на 13 июня 1918 года они были похищены из гостиницы «Королевские номера» в Перми группой местных милиционеров. Возглавлял эту группу некий Г. И. Мясников. Затем пленников отвезли и убили в районе местечка Малая Язовая.

Так угасала монархическая Россия...

Севастопольская побудка

Наших далеких предков из Киевской Руси всегда привлекали соседние земли в целях обеспечения безопасности своих границ, расширения земель и обложения данью близлежащих княжеств. На особом месте стояло южное направление, и в частности восточный осколок Священной Римской империи – Византия с ее столицей Константинополем или, в южнославянской трактовке, Царьградом.

В дальнейшем этот город, находившийся в прямом и переносном смысле на стратегическом мосту между Золотым Рогом и Мраморным морем, на границе Европы и Азии, являясь столицей христианско-православной империи, был объектом интересов Российского государства как ключ к черноморским проливам Босфор и Дарданеллы, соединяющих Черное и Средиземное моря.

В «Повести временных лет» имеется описание двух походов князя Игоря на Царьград. В 941 году русские были сильно биты византийцами, что повторилось ровно через тысячу лет, когда на Советскую Россию напало германское войско. Вначале нас тоже сильно били, но уже через три с лишним года – в 1944 году легионы гитлеровских опустошителей были вышвырнуты за пределы отечественных границ.

Второй поход состоялся в 944 году, когда практически без борьбы посланцы Киевской Руси получили большую дань

от византийцев и отправились жировать в стольный град на Днепре.

Для того чтобы показать жестокость славян, летописец почему-то, словно под рекламу, заинтересованно рисует зверства своих соотечественников:

«А кого захватили – одних распинали, в других же, расставляя их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли...»

И все же с использованием «греческого огня» византийцы пожгли многотысячный флот Игоря и побили много воинов. Пришлось нашим древним предкам спешно отступить.

В том же году Игорь решил снова наведаться в Византию. Он собрал огромное войско из «...варягов, Русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов...».

Русские отправились двумя колоннами – по воде и сушей на лошадях. Получив сведения о приближении неприятельских колонн, император Роман послал к ним своих послов-парламентариев с предложением о выделении дани:

«Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани».

Русские получили свои дары от императора и отправились в Киев. А через год с империей был заключен мирный договор, регулировавший политические и экономические аспекты Руси и империи.

История взаимоотношений России с Османской империей – государством, созданным в 1299 году османскими племенами Османа Первого в северо-западной части Анатолии, складывалась неоднозначно. После падения Константинополя в 1453 году Османское государство стало именоваться империей. Оно с годами и веками расширялось. Янычары – регулярная пехота рабов турецкого султана Османской империи – покоряли земли в Европе, Азии и Африке. Правление империи достигло вершины своего могущества в 1590 году и длилось 623 года: с 27 июля 1299 года по 1 ноября 1922 года, когда монархия была упразднена.

К концу XIX – началу XX века Османская империя напоминала шагреновую кожу. Ее называли «больным человеком Европы». Первая мировая война, оккупация Константинополя и Измира войсками Антанты привели к началу турецкого национального движения и победы турок под руководством Мустафы Кемала Ататюрка.

Султанат был упразднен 1 ноября 1922 года. Через 17 дней последний султан Османской империи Мехмед VI покинул страну. Великое национальное собрание Турции 29 октября 1923 года объявило о создании Турецкой республики, а 3 марта 1924 года был упразднен и халифат.

Эти события будут потом, а пока полыхнула Первая ми-

ровая война. Как ни сопротивлялся младотуркам, оседлавшим вершины государственной власти, 35-й, предпоследний султан Турции Мехмед V, он вынужден был покориться им и войти в союзнические отношения с Германией.

Германо-турецкий союзный договор, по которому турецкая армия практически отдавалась под командование немецкой военной миссии, состоявшей из нескольких сотен офицеров, подписывается 2 августа 1914 года.

Руководитель миссии генерал Лиман фон Сандерс практически руководил турецкой армией, так же как его морской коллега адмирал Сушон – турецким флотом. Несмотря на объявленный Турцией «бумажный» нейтралитет, 10 августа в пролив Дарданеллы вошли немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау». Они уходили от преследования британских кораблей в Средиземном море. Видя недальновидную политику военного министра Турции младотурка Энвер-паши, фактически начавшего вместе с немцами войну против России, султан Мехмед V с возмущением воскликнул:

– Неужели вы не понимаете, что одного трупа России достаточно, чтобы задавить слабую Османскую империю!

Но к его словам никто не прислушался.

Несколько дней спустя к Новороссийску подошел турецкий крейсер «Гамидие». Руководство российского гарнизона внимательно наблюдало за действием команды турецкого военного корабля, от которого внезапно отделилась шлюпка с двумя морскими офицерами. Моряки гребли спокойно, но

напористо. Вскоре янычары высадились на вражеский берег.

– Цель вашей миссии? – поинтересовался руководитель местной власти, стоя на пристани вместе с военными.

– Наше командование приказало нам передать вам ультиматум...

– Какой еще ультиматум? – чуть ли не хором ответили россияне – представители властей Новороссийска.

– Сдать город, передать все казенные суммы и все имущество казны, – нагло заявили турки.

Они тут же были арестованы, а шлюпка конфискована. Крейсер долго стоял на рейде – ждал возвращения своих офицеров. Не дождавшись, капитан, несолоно хлебавши, приказал сняться с якоря. Боевой корабль развернулся и ушел назад.

А 29 и 30 октября 1914 года турецкий флот, подошедший с открытого моря, обстрелял ряд наших форпостов – военных укреплений в Севастополе, Одессе, Феодосии и Новороссийске и жилые кварталы вышеперечисленных городов.

Уже 2 ноября Россия объявила войну Турции, а 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция. Таким образом, возник Кавказский фронт. Неофициально эти события называли «Севастопольская побудка».

Город русской славы Севастополь разбудил дремавшую власть.

В ноябре русская армия, преодолев турецкую границу, перешла в наступление, но, натолкнувшись на сопротивление противника, была вынуждена перейти к активной обороне. В то же время турецкие войска вторглись на нашу территорию и при помощи предательства аджарцев захватили всю Батумскую область. Сказалось единоверие – ислам: аджарцы ведь мусульмане.

С января 1915 года командование русской Кавказской армией принял генерал Н. Н. Юденич, который вместе с доблестными войсками остановил наступление 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши на Карс, а затем наголову разгромил янычар.

Потом русские очистили от турок южную Аджарию и всю Батумскую область. В дальнейшем в ходе побед над превосходящими силами турок в Сарыкамышской, Эрзурумской, Трапезундской и в других операциях, в отличие от вялых действий и серьезных поражений русских на австро-германском фронте, генерал Юденич воспринимался союзниками по Антанте как «думающий полководец, умеющий продуманно воевать».

Военные действия российской армии на Кавказе свидетельствуют сами за себя – турецкая армия лишилась только на Эрзурумском направлении 350 тыс. человек, из них

100 тыс. пленными. Русский солдат показал себя храбрым воином, а Россия засветилась в лучах долгожданной победной славы. Союзники, получившие существенную поддержку от армии Юденича, отреагировали своеобразной щедростью. В мае 1916 года в Лондоне было заключено секретное соглашение (договор Сайкс – Пико), по которому союзники дали обещание России выполнить англо-франко-русское соглашение 1915 года о проливах: присоединить к России Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы и примыкающие к ним районы европейской и азиатской части Турции, а также передать России области Эрзурума, Трапезунда, Ванна, Битлиса и части Курдистана.

Мало кто знал в то время, что благодаря Юденичу Российская империя должна была обрести проливы Босфор, Дарданеллы и Константинополь – колыбель православия. Этого не случилось при Екатерине Великой, но должно было свершиться при Николае II.

Генерал Юденич не числом, а умением одержал победу над Турцией, развязавшей войну на Кавказе, не числом, а умением, по-суворовски, громил турецких янычар.

Анализируя действия Н. Н. Юденича в сражениях за Сарыкамыш и Эрзурум, генерал-квартирмейстер Кавказской армии генерал Е. В. Масловский спустя некоторое время после тех событий писал:

«Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые

тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзурума.

Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца».

Но вмешались события Октябрьской революции, организаторам которой помогали немцы. Теперь Россия, ставшая Советской, из союзницы Антанты превратилась в ее врага. Договор о проливах, о которых так долго мечтала Россия, естественно, аннулируется. Планы России по освоению «Византийского наследства» совместно с восточно-христианскими народами провалились, но тенденции еще долго оставались. Страна из Первой мировой войны постепенно вползала в гражданскую бойню.

Начало Нового, военного 1917 года для генерала Юденича, как и для всех фронтовых командующих, прошло под знаком разложения российской армии. Он сталкивался с ситуацией, когда его деятельность по руководству войсками пытались парализовать различные общественные комитеты, растущие как грибы после дождя в его частях и подразделениях.

Грозой с внезапным громким раскатом грома почти что среди ясного неба для Юденича стал день 2 марта 1917 года

– отречение государя Николая II от престола. Это известие, встреченное им в своем штабе, повергло его в уныние. Главком Кавказского фронта великий князь Николай Николаевич Романов срочно выехал из Тифлиса в Ставку Верховного главнокомандования в Могилев.

Обстоятельства с динамично развивающейся обстановкой на фронтах диктовали быстрые решения. Генерал Юденич приказом Временного правительства назначался командующим Кавказским фронтом на место своего великокняжеского тезки по имени и отчеству.

Как писал Владимир Черкасов-Георгиевский, смута, вознесшая Юденича в главкомы, сказала и на его скоропостижном дальнейшем падении.

Началось с того, что экспедиционный корпус генерала Баратова, наступавший в помощь англичанам в долине реки Диялы, стал испытывать трудности с провизией.

Юденич, получив такой опасный по последствиям рапорт-приказ, обратился за помощью к союзникам, но получил отказ. В ответ в войсках «революционные массы» организовали и подняли бунт. На следующий день генерал Баратов прислал командующему фронтом очередную телеграмму, в которой говорилось:

«Созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Начавший раздражаться самостоятельностью нижних чи-

нов, Юденич решил прекратить наступление и отвести эти части в районы, где было бы меньше поводов для митингов.

Чиновники Временного правительства в Петрограде забеспокоились и в депешах потребовали уладить отношения с союзниками и солдатскими комитетами с целью дальнейших наступательных действий.

«Как можно наступать, – рассуждал опытный генерал, словно советуясь с собой и задавая сам себе вопросы, на которых ответа не находил, – если солдаты постоянно недоедают, а в отдельных частях даже испытывают голод? Как можно воевать, если союзники игнорируют жизненные просьбы? Как можно воевать без четкой субординации подчиненных командирам? Как может существовать армия, когда свержение старого строя уничтожило в войсках дисциплину?»

Юденич встал из-за стола. Подошел к окну, потянулся и крутанул кончики своих длинных усов, после чего направился снова к столу и стал быстро набрасывать четкий и аргументированный доклад о положении на Кавказском фронте.

В своем документе он высказывался с грустью об опасных перспективах в случае продолжения демократизации армии. Он пытался убедить февралистов, которых называл не иначе как правительством выскочек и недалёковидных и случайных людей, завладевших властными полномочиями в управлении разболтанной Россией.

Телеграмма ушла так же быстро, как пришла реакция на нее.

Что касается дальнейшей судьбы Николая Николаевича Юденича, последнего российского кавалера ордена Святого Георгия 2-го класса, глава Временного правительства Керенский снял с должности командующего Кавказским фронтом как сопротивляющегося некоторым приказам нового Верховного Главнокомандующего и вызвал в столицу.

Его назначают руководителем инспекции по казачьим областям для ознакомления с царящими там настроениями. Николай Николаевич сначала вернулся на свою родину – в Москву, куда приехала с Кавказа его семья. Здесь он побывал на параде войск Московского гарнизона, проходившем на Девичьем поле. Повстречался с однополчанами.

Автору, живущему недалеко от этого памятного места, не раз приходилось бывать там и живо представить плац и армейские парадные коробки. Сейчас вместо плаца там сквер, засаженный деревьями, с лавочками для отдыха и сценой «Зеленого театра».

Николай Николаевич хорошо знал историю Девичьего поля, названного по Новодевичьему монастырю, к которому оно примыкало. Кстати, оно было пожаловано монастырю царским указом от 1685 года. Поле вытянулось длинной полосой от Садового кольца до Новодевичьего монастыря. Здесь находился двор царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены царя Петра Великого. Сейчас стоят тут

разные клиники и здание мединститута им. Сеченова.

* * *

Но вернемся к событиям, связанным с опальным генералом.

Из Ставки никому не нужный генерал Юденич вернулся в Москву, где его застала Октябрьская революция.

В январе 1919 года Юденич под чужими документами вместе с женой и адъютантом Н.А. Покотило пересек финскую границу и прибыл в Гельсингфорс. Именно здесь «Русский комитет», созданный в Хельсинки в ноябре 1918 года, провозгласил Юденича лидером Белого движения на северо-западе России. В гельсингфорсской газете «Северная жизнь» (1919. № 40) он писал:

«У русской белой гвардии одна цель – изгнать большевиков из России...»

Вскоре после того как в Киеве на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому выстрелом в спину петлюровцем был убит командующий Русской добровольческой и монархической Северной армией генерал от кавалерии, граф Ф. А. Келлер, основным кандидатом возглавить северо-западное Белое движение стал Н. Н. Юденич. Если Келлер в борьбе с большевиками надеялся на помощь германофильской группы Трепова, то Юденич стал ориентировать-

ся исключительно на помощь Антанты. В первую очередь он решил прощупать финнов, – безотлагательно нужно было оружие, боеприпасы, продовольствие и фураж.

Юденич 5 января 1919 года в Гельсингфорсе в очередной раз встречается с Маннергеймом.

– Для освобождения Петрограда от большевиков нам позарез нужна ваша помощь, – почти молит генерал Юденич вчерашнего тоже царского генерала, волею судьбы оказавшегося регентом, а вскоре ставшего руководителем будущей независимой страны, поделиться необходимым для «боевой службы».

– Я знаю ваши сложности, но...

– Ладно, тогда я поставлю вопрос несколько иначе: на каких условиях вы можете эту помощь оказать? – насторожился командующий Северо-Западной белой армией.

– Мои условия – безоговорочное признание вашей будущей властью государственной независимости Финляндии и некоторых территориальных уступок, – смело глядя в глаза Юденичу, промолвил Маннергейм...

– Мы обсудим ваши предложения, – ответил побледневший генерал, который отдал большую часть своей жизни в борьбе за независимую и неделимую Российскую империю. Как он мог согласиться на такие условия, зная, что даже большевистская верхушка на такое требование тоже не согласилась.

Войска и мирное население северных территорий Рос-

сии ждали от нового командующего своего видения военной программы.

И вот в интервью корреспонденту газеты «Северная жизнь» он кратко очерчивает круг задач, стоящих перед Белым движением:

«У русской белой гвардии одна цель – изгнать большевиков из России.

Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа – долой большевиков. Поэтому мы принимаем в нашу организацию людей независимо от их политических взглядов, лишь бы они не были большевики или коммунисты. Когда большевики будут низвергнуты, белая гвардия займется восстановлением порядка».

Но для победы в любом сражении нужны кроме усиленных фронтальных сил надежно обеспеченные фланги и тылы, а еще лучше союзники, думающие, как вы. У Юденича с его идеями православного монархизма в борьбе с советской властью союзниками могли быть две страны – Франция и Германия. Но если первая олицетворяла республиканские идеалы, на фасаде которых развевались транспаранты «Свобода, равенство и братство», то вторая была тверда как камень в отстаивании принципа имперских начал. Оба эти «союзника» солидарны были в одном: они совсем не хотели по-

явления сильной России и желали на очередных переменах в «краю березового ситца» набить собственные карманы.

Трудно быть хорошим соседом в плохом соседстве – сосед всегда делает что-то такое, чего вы не можете себе позволить. Отсюда метание и разброд в Белом движении.

Так, донской атаман генерал от кавалерии П. Н. Краснов выбрал сотрудничество с немцами, а командующий белым югом генерал-лейтенант Генштаба А. И. Деникин видел панацею от всех бед – снадобье Антанты, связывая свою судьбу и судьбу своих войск только с нею. Но судьба не предопределение, судьба – это результат, а его надо было еще добыть. Это хорошо понимал Юденич.

Был еще один фактор, бьющий по его самолюбию. В бытность, когда он командовал Кавказским фронтом, командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак подчинялся ему. Нынче последний значился Верховным правителем России, признанным большинством в белых кругах.

Теперь их роли качественно менялись. Конечно, это было по самолюбию полководца. Однако обстановка требовала действий, и 21 января 1919 года Юденич информировал Колчака о своей деятельности на территориях северо-запада России и обратился за финансовой помощью, но в своей записке даже намек не было о своем подчинении Верховному правителю. В ответ – относительно длительное молчание. И тогда генерал Юденич пишет письмо генералу Деникину, в котором с обидой говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.